

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Robert Bryndza
MISS WRONG AND MISTER RIGHT

Серия «Жизнь прекрасна!»

Печатается с разрешения литературных агентств
Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Ирины Павловой*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Брындза, Роберт.

Б89 От тебя бегу к тебе : [роман] / Роберт Брындза ; [перевод с английского И. Павловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-17-116878-0

Натали Лав переехала из маленькой деревни в Лондон и добилась успеха: она руководит известным театром, ей даже удается привлечь в свою команду одну из главных звезд Голливуда — Райана Харрисона. Жизнь Натали состоит из работы, парня, заикленного на йоге, и эксцентричной гламурной бабушки, у которой всегда наготове мудрый совет и огромная миска гуляша.

Но все меняется, когда на пороге ее театра появляется Джейми, ее бывший жених, которого она бросила у алтаря пятнадцать лет назад. Он продюсирует шоу в Вест-Энде и, кажется, пыгается переманить у нее Райана Харрисона! Но что, если за шутками, упреками и забавными столкновениями героев кроется нечто большее, чем просто соперничество?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116878-0

© Robert Bryndza, 2015
© Павлова И., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Эта книга посвящается всем,
кто не боится мечтать
и имеет смелость воплотить свои мечты
в реальность.*

☺ Действующие лица ☺

Мое свадебное платье сгорело быстро. В тот летний денек — день моего венчания — я стояла в поле за домом на нашей ферме вместе с мамой, бабушкой и своей лучшей подругой Шэрон.

До двух часов пополудни оставались считанные минуты. А в два часа (как утверждали мои свадебные приглашения) должен был начаться официальный прием. Так что мне уже следовало сидеть за главным столом — рядом с моим прекрасным новоиспеченным мужем по имени Джейми. И внимать речи, из-за которой мой папа не находил себе места последние несколько недель.

Но вместо этого я не сводила взгляда со старой бочки. И с нездоровым любопытством наблюдала за тем, как завивались и закручивались кружева и атласные складки на моем свадебном платье. Затем они превратились на миг в карамель, а потом резко сморщились, опалились и воспламенились с легким свистом.

Языки пламени взметнулись высоко-высоко, и в их жарком чаду холмы на горизонте подернулись рябью и нервно искривились.

— Натали... Что ты делаешь? Это же безумие! — вскричала мамуля.

— Я даже не сфотографировала тебя в нем, — удрученно вздохнула Шэрон, на запястье которой болтался фотоаппарат. Она все еще была в персиковом платье подружки невесты.

— Это был всего лишь платье, Натали, и ты походить в нем на кремовое *пирожное*, — пробормотала, закуривая, бабушка. Изящно щелкнув золотистой зажигалкой, она ловко запихала ее обратно в карман своей шубы. Моя бабуля, Анушка, — венгерка. Она приехала в Англию еще совсем юной девушкой, но так и не потрудилась избавиться от своего акцента.

— И как только у тебя язык повернулся такое ляпнуть! — укорила ее мама. — Натали в нем выглядела бесподобно!

— Она выглядит в нем как бесподобное кремовое *пирожное*, которому уготована одна участь — быть сожранным, — возразила бабуля. — Разве так она хотеть начать свою жизнь замужней женщины — сладкой, но ничего не значащей штучкой?

— А ты знаешь, сколько времени и сил потратила наша старая миссис Гаррет, чтобы пришить все это кружево? И в какую кучу денег обошлось нам это платье! — возбудилась мамуля. — Появись я здесь на пять минут пораньше, я бы не позволила его сжечь!

Ветер изменил направление и окутал нас едкой заведкой дыма. Мы закашлялись и замахали руками.

— Натали не хотеть выходить замуж! И если на то пошло, за платье заплатила я... — огрызнулась бабушка.

— Но это не давало тебе право его сжечь. Я бы предпочла его сохранить, — заявила мама.

— Ну да, конечно, только чтобы напоминать бедной девочке о том, что, по твоему мнению, она должна была пройти через все это! — язвительно пробурчала бабуля.

С противными шипящими хлопками языки пламени устремились к фальшивым жемчужинам на лифе.

Онемевшая от шока, я продолжала молчать, не в силах выдать ни слова. А мамуля снова раскрыла рот:

— О чем ты думала, Натали? На виду у доброй половины деревни ты под руку с отцом продефилировала по проходу в церкви к алтарю, а через две минуты после этого пронеслась по нему назад и выбежала на улицу.

— Я решила, Нат, что у тебя скрутило живот, — вставила Шэрон.

— Как я теперь покажусь на глаза людям? Какой срам! И бедный Джейми! Такой красивый, замечательный мальчик! — воскликнула мама.

— Энни, смотри на вещи объективно, — одернула ее бабушка, швырнув окурок в бочку. — Разве я не говорить тебе, что Натали слишком юна для замужества? Нашей девочке всего девятнадцать. Ей еще только предстоит узнать большой мир... — Прищурившись от солнца, бабуля глянула на меня. — У тебя впереди целая жизнь, моя дорокая. Тебе следует присмотреться к нескольким мужчинам, оценить их, примерить на себя...

— Еще чего не хватало! Примерять на себя мужчин... — прошипела мама. — Ей нужно...

— А как насчет того, чего хочу я? — внезапно вырвался из меня дикий вопль. — Вы все рассуждаете обо мне так, словно меня тут и нет! Вы хоть раз можете побыть нормальной семьей? И попытаться понять, что я чувствую? Все, что ты делала, — это кричала и убеждала меня сжечь свадебное платье! — накинулась я на бабулю.

— Если ты не хочешь, чтобы я его сожгла, ты должна была подать голос, — заявила бабушка.

— Как будто у бедной девочки был выбор! Если тебе что-то взбредет в голову, тебя не остановить! — парировала мама.

Воцарилось неловкое молчание. Шэрон наклонилась и взяла мою руку.

А в следующий миг я заметила папулю, осторожно пробиравшегося к нам по грязному полю. Он все еще был в своем праздничном костюме и роскошных ботинках. Приблизившись к нам, папа заглянул в бочку и явно не поверил собственным глазам. Мое платье к этому моменту уже превратилось в почерневший бесформенный комок.

— Черт подери, это что?.. — заговорил папа, но мама быстро его перебила:

— Мартин, мне показалось, будто ты собирался переодеться. — Она похлопала по лацканам его фрака, стряхивая с них воображаемую грязь.

— Я хотел уточнить, что мне делать с моими родителями, — отстранившись от нее, признался папа. — Я оставил их в отеле «Трэвелодж». Но они желают знать, будет ли у нас праздничный обед в пабе?

— Ну, конечно же, не будет!

— По правде говоря, у меня все это в голове не укладывается, Натали. Джейми сделал что-то не то? — поинтересовался папа.

И все разом повернулись ко мне. В ответ я открыла рот, но за несколько секунд из него не вылетело ни звука. И только потом мне удалось поднатужиться и выдавить:

— Просто... просто я не чувствую себя готовой...

Мои слова прозвучали плаксиво и патетично.

— А когда ты почувствуешь себя готовой? — взвизгнула мамуля. — Завтра? На следующей неделе? Не мешало бы нам это узнать, когда мы готовились к чертовой свадьбе.

— Я вам все компенсирую, все до копейки, — сказала я.

— С каких это шишей? — озадачилась мама. — Откуда ты возьмешь деньги? В министерстве соци-

ального обеспечения? У тебя же нет работы. Ты провалила все экзамены, потому что влюбилась в Джейми. Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

— Конечно, я понимаю, что я наделала! — выкрикнула я. — Или ты думаешь, что я это сделала исключительно назло тебе?

— Сейчас я уже ни в чем не уверена! Похоже, ты способна на все! — прорычала она. — Глаза бы мои на тебя не глядели!

— Тебе следует успокоиться, Энни, — произнес папа, водрузив на мамино плечо свою руку.

— Не смей говорить, что мне следует, — стряхнула ее мамуля.

— Она и в детстве была легковозбудимой, — констатировала бабушка, смерив маму бесстрастным взглядом. — Я даже иногда по утрам добавлять ей в овсянку немножко своего валиума... ради тишины и покоя...

Мамуля отошла от папы и пошагала назад к дому.

— Прости, что я так и не послушала твою речь, — сказала я папе.

Он бросил взгляд на обугленное платье, помотал головой и побрел за мамой. Слезы тихо заструились по моему лицу. Бабушка вытащила из своей сумочки кружевной носовой платочек и подала его мне.

— Хочешь побыть одна, Натали? — спросила она меня.

Я взяла ее платок, приложила к лицу и кивнула.

— Пошли, Шэрон, — позвала мою подругу бабушка.

Шэрон улыбнулась и пожала мне руку. Они последовали за мамой и папой, бывшими уже на полпути к дому. А я схватила палку и ткнула ею в почерневший комок в бочке. Палка зацепилась за него своим кончиком, и из бочки я ее вытащила вместе с ленточкой оплавленной ткани.

После бегства из церкви Святой Вирсавии я оказалась на безлюдной проселочной дороге. Рядом со мной остановился местный автобус — наверное, потому, что людям не часто доводится видеть на обочине невесту в свадебном платье и фате, которая машет руками как сумасшедшая. У меня не было с собой денег, и за билет я расплатилась собственным букетом (по окончании смены водитель собирался навестить свою тетю в больнице, и цветы пришлись ему как нельзя кстати). Традиция требует, чтобы у невесты было в день свадьбы что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь чужое и что-нибудь голубое... И почему-то никому не приходит в голову, что ей не помешало бы иметь при себе еще и немного наличных — на тот случай, если она раздумает выходить замуж...

Когда я зашла на кухню, мама готовила крепкий чай, ложку за ложкой отправляя в заварочный чайник скрученные листики. Папа наконец переоделся и занял свое место за столом рядом с бабушкой и Шэрон. Они молча разглядывали замысловатые ярусы моего свадебного торта, стоявшего посередине стола.

— Его принесла сюда работница паба, — сконфуженно-извиняющимся тоном пробормотала Шэрон. Я поглядела на безукоризненную королевскую глазурь, увенчанную короной из желтых сахарных розочек. А мама подошла ко мне и протянула длинный нож.

— Хочешь, чтобы я его разрежала? Прямо сейчас? — спросила я.

— Да, а что останется, придется заморозить. Мы его весь не съедим, — сказала она.

— Энни, Натали не нужно разрезать его прямо сейчас, — встрял папа.

— Да что ты говоришь, Мартин? Неподходящий момент? Так? Натали с радостью позволила бабуле предать огню свое свадебное платье. А когда наступит подходящий момент для... — Мамину тираду оборвал стук в заднюю дверь. За матовым стеклом замаячило пятно персикового цвета.

— Микки! Мы забыли о Микки! — вскричала мама и, бросившись к двери, открыла ее. На пороге стояла моя четырнадцатилетняя сестра в своем платье подружки невесты. В руке Микки держала белые туфли, которые она благоразумно сняла, чтобы не извозить в грязи подъездной дороги.

— Микки, куда ты ходила? — спросила сестрицу мама. И расстелила на полу у порога газету. Микки прыгнула на нее.

— И она еще говорит мне, что я быть плохой матерью, — пробурчала бабушка, закуривая очередную сигарету.

— Я погуляла по кладбищу, а потом меня подвез человек, который копает могилы. У него в багажнике лежат лопаты! — восторженно выпалила Микки.

— Видишь, Энни, Микки всего четырнадцать, а она уже выискивает интересных мужчин, — сказала бабушка.

— Ох, да заткнись ты уже! — буркнула мама. Затем подошла к мойке, наполнила теплой водой тазик и поставила его у двери. Микки стала мыть ноги, а мы молча наблюдали за ней.

— И что случилось с нашей Нат? — полюбопытствовала она, вскинув на меня вопросительный взгляд. — Я думала, что вы с Джейми очень любите друг друга!

Последовала тишина. А потом я подпрыгнула, потому что зазвонил телефон. Папа встал, ответил на звонок и тут же вернулся.

— Это тебя, Натали. Джейми.

Я замотала головой.

— Он на дороге, звонит по мобильному. Говорит, что не уйдет, пока ты с ним не переговоришь, — попытался втолковать мне папа.

— Бедный парень! Ты должна с ним объясниться, хотя бы ради приличия, — заявила мама.

— Ладно... Скажи ему, что я выйду, — вздохнула я.

И обула резиновые сапоги. Мама попыталась пригладить мне волосы. Но я отбросила ее руку и вышла из дома.

Джейми стоял в своем свадебном костюме за калиткой, в самом конце дороги — высокий, стройный и красивый до замирания сердца. В его петлице все еще торчала роза с веточкой гипсофилы, а в каштановых волосах отражалось золотыми бликами солнце. Хлюпая сапогами по грязи, я обреченно пошла к нему.

— Что за фигня, Нат? — спросил Джейми, когда я приблизилась к воротам.

— Я... очень сожалею.

— И только-то? Ты сожалеешь? — Джейми отворил калитку и собрался зайти. Подняв вверх руку, я вышла на дорогу и, прикрыв за собой калитку, встала с ним рядом.

— Я не готова... — изрекла я.

— Как это ты не готова? Ты же надела платье, села в машину... Ты же прошествовала по церкви к алтарю! — засыпал меня вопросами Джейми.

В ответ я только молча уставилась на него.

— Ты хоть понимаешь, какое унижение я пережил? Музыканты все играли и играли этот долбаный Свадебный марш... они думали, что ты вернешься... Как, впрочем, и все мои родственники... Мои кузины приле-

тели из Канады. Билеты на самолет обошлись им в целое состояние!

— Когда я сказала, что не готова, я имела в виду... — попробовала объяснить я, но Джейми не дал мне договорить:

— Мои кузины полетят назад через неделю. Тетя уже пытается меня вопросом, сможем ли мы это сделать в какой-нибудь другой день...

— Сделать что?

— Как что? Пожениться! Тетушка Джин призналась, что перед свадьбой с дядей Полем у нее был жуткий мандраж. Она готова была вытворить то же, что и ты... сбежать... Но они прожили в счастливом браке уже тридцать пять лет.

Я посмотрела на красивое лицо Джейми. Он так хотел, чтоб я ему сказала: «Да, мой любимый, виноват предсвадебный мандраж!»

— Нет, это другое, — тихо проговорила я.

— Что?

— У меня не мандраж случился... Я просто поняла, что не хочу замуж. Скажем так: я не хочу выходить замуж именно сейчас.

— А когда ты захочешь выйти замуж? — поинтересовался Джейми.

— Не знаю, Джейми... Может быть, завтра. Может быть, на следующей неделе или через месяц... А может, и в тридцать пять лет. Но именно сейчас я замуж выходить не хочу!

Лицо Джейми стало мрачнее тучи.

— Я думал, что мы любим друг друга, — сухо процедил он.

— Так и есть, но ты не находишь, что все изменилось — раз мы уже не пойдем в университет вместе? Мы планировали уехать из дома, выбраться отсюда и начать новую жизнь.